

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

Е.В. Борисов

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ЭГОЦЕНТРИЗМ В ТЕОРИЯХ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДЭВИДСОНА И ГАДАМЕРА¹

Предпринимается компаративный анализ концепций семантической интерпретации, содержащихся (явным образом) в теории интерпретации Д. Дэвидсона и (имплицитно) в философской герменевтике Х.-Г. Гадамера. Предпринята попытка обосновать два тезиса: 1) базовые методические принципы интерпретации, предлагаемые Гадамером (принцип «предвосхищения совершенства») и Дэвидсоном (принцип «доверия»), применительно к семантической интерпретации эквивалентны; 2) оба принципа предполагают специфическую методическую установку интерпретатора в начале процесса интерпретации, которую можно назвать эпистемологическим эгоцентризмом. В первой части статьи анализируется структура семантической интерпретации в трактовке Дэвидсона и на этой основе определяется понятие эпистемологического эгоцентризма. Во второй части эксплицируется методический аспект философской герменевтики Гадамера и демонстрируется эквивалентность основных методических принципов Гадамера и Дэвидсона.

Ключевые слова: семантическая интерпретация, Д. Дэвидсон, Х.-Г. Гадамер, принцип доверия, предвосхищение совершенства, эпистемологический эгоцентризм.

I

Определим основные характеристики семантической интерпретации в трактовке Дэвидсона.

1. *Предметом* семантической интерпретации является язык некоторого индивида или сообщества. В языке можно выделить два значимых для интерпретации элемента: это система знаков, используемых индивидом или сообществом, и система мнений, которые данный субъект (индивид или сообщество) в языке выражают. Иначе говоря, в структуру языка, как его понимает Дэвидсон, входит не только бесконечное множество *возможных* предложений, но и распределение истинностных значений в некотором множестве предложений, которые выражают *действительные* мнения носителей данного языка. Существенные для теории интерпретации характеристики этих элементов таковы: 1) система знаков – это определенное множество имен (слов и словосочетаний, могущих иметь референцию) и формообразующих (не имеющих референции, «синкатегорематических») выражений, а также ряд композиционных правил (правил словообразования, синтаксиса и т.п.), по-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 11-03-00039), РФФИ (проект 12-06-00078-а), в рамках выполнения задания Минобрнауки РФ на проведение научных исследований (тематический план НИР Томского государственного университета, проект № 6.4832.2011) и в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы» (госконтракт № 14.В37.21.0986).

звляющих образовывать из имен осмысленные предложения; 2) мнения членов языкового сообщества о мире выражаются в предложениях, высказываемых в определенных ситуациях. Ситуативность высказывания существенна для его интерпретации, если язык содержит в себе ситуационно зависимые выражения (местоимения, глаголы в определенном времени и т.п.), т.е. выражения, референция которых зависит от ситуации их употребления.

2. *Цель* семантической интерпретации состоит в том, чтобы назначить референцию для индивидуальных и общих имен интерпретируемого языка (к последним относятся и предикатные имена разной местности; их референтами являются отношения на области интерпретации). Поскольку областью интерпретации является, как правило, совокупность данных в опыте объектов, можно сказать, что цель интерпретации — это соотнесение интерпретируемого языка с объективным миром.

3. *Предпосылки* семантической интерпретации: 1) способность различать морфологические элементы языка, к каковым, прежде всего, относятся предложения, имена и синкатегорематические выражения. Конечно, необходимость этой способности тривиальна, поскольку предполагается целью семантической интерпретации; 2) способность различать утверждение и отрицание, в том числе способность различать слова «да» и «нет» (или эквивалентные выражения и жесты), высказываемые носителями интерпретируемого языка в ответ на вопросы интерпретатора. Необходимость этой предпосылки обусловлена тезисом о контекстуальном характере значения. Этот тезис состоит в том, что референция имени обусловлена его функциями в контексте возможных предложений, в состав которых оно может входить. В рамках теории интерпретации это означает, что интерпретация начинается с установления истинностных значений ряда предложений (предложений, относительно которых интерпретатор знает, что они принимаются или отвергаются носителями интерпретируемого языка), что позволяет на втором этапе определить референцию индивидуальных и общих имен.

4. *Методологическим основанием* интерпретации является «принцип доверия» (principle of charity; думаю, этот термин можно было бы также перевести как «принцип благорасположенности»). В интерпретации, как ее описывает теория Дэвидсона, он выполняет функцию критерия, позволяющего из бесконечного множества возможных интерпретативных гипотез выбирать валидные. Принцип доверия предписывает: 1) интерпретировать речь говорящего как когерентную, где когерентность означает, прежде всего, логическую непротиворечивость системы выраженных в языке мнений и последовательность словоупотребления; 2) интерпретировать речь говорящего так, чтобы как можно большее количество предложений, которые он считает истинными, оказались истинными. Иначе говоря, мы интерпретируем язык так, чтобы предложения его носителя выражали *истинные* мнения [1, 2]. Например, если индивид, язык которого мы интерпретируем (назовем его N.), утверждает, что снег является синим, то, исходя из принципа доверия, мы должны предположить, что N. употребляет слово «синий» так, как мы употребляем слово «белый», поскольку при такой интерпретации его высказывание окажется истинным. Разумеется, эта интерпретативная гипотеза будет оправдана лишь в том случае, если она не приведет к необходимости при-

знать ложными большое количество утверждений N. (допустим, во всех остальных случаях он использует слово «синий» так же, как мы, т.е. утверждает, например, что небо является синим, а молоко — нет: оба эти утверждения окажутся ложными, если мы переведем слово «синий» из его идиолекта словом «белый» из нашего). Это позволяет уточнить определение цели семантической интерпретации: это построение *модели* для совокупности содержащихся в интерпретируемой речи (и известных интерпретатору) утверждений.

Здесь следует отметить принципиальное для нашей темы обстоятельство: применяя принцип доверия, интерпретатор стремится приписывать говорящему не любые, но именно *истинные* мнения. Значит ли это, что он сам должен знать истину, т.е. иметь не «просто» мнения, но объективно-истинное знание о мире. Если да, то не приводит ли это к эпистемологической абсолютизации мнений интерпретатора, т.е. к трактовке интерпретатора в качестве своего рода божественного разума? Дэвидсон считает такую постановку вопроса некорректной: по его мнению, если некоторая система мнений является достаточно богатой (охватывает достаточно большой круг предметов и фактов) и когерентной, то у нас нет оснований для того, чтобы противопоставить ее объективной истине¹. Этот интригующий тезис заслуживает детального анализа², который, однако, выходит за рамки данной статьи. Для наших целей будет достаточно, если под *истинностью* мы будем понимать *истинность для интерпретатора*. (В свете приведенного тезиса Дэвидсона это отождествление вполне корректно, если система мнений интерпретатора достаточно богата и когерентна.) Если так, то принцип доверия можно переформулировать следующим образом: он предписывает интерпретировать так, чтобы атрибутировать говорящему мнения, которые считает истинными (или, как минимум, правдоподобными) сам интерпретатор. В этом смысле принцип доверия предписывает интерпретатору методическую установку, которую можно охарактеризовать как *эпистемологический эгоцентризм*, поскольку в свете этого принципа истинные мнения других оказываются своего рода эманацией истинных мнений интерпретатора.

II

По моему мнению, эта методическая установка предполагается и в философской герменевтике Гадамера³. Я попытаюсь обосновать этот тезис, показав эквивалентность принципа доверия Дэвидсона и главного методического принципа, которым, по мнению Гадамера, руководствуется интерпретатор

¹ «Мнение по своей природе родственно истине» (Belief is in its nature veridical) [1. P. 146].

² В данном контексте особый интерес представляет полемика между Дэвидсоном и Рорти по вопросу о возможности и основаниях эпистемологического оптимизма [3, 4, 5].

³ У Гадамера понятие интерпретации охватывает не только семантическую интерпретацию, но и любое понимание. В издании «Истины и метода» 1986 г. Гадамер акцентирует этот момент: «В последнее время эти проблемы (проблемы аппликативности понимания. — Е.В.) интенсивно обсуждаются (как мне кажется, на чересчур узком семантическом базисе). — Ср.: Davidson D. Inquiries into Truth and Interpretation. Oxford 1984» [6. S. 300]. Поэтому результат этой статьи применим только по отношению к семантической интерпретации, как она может быть описана средствами философской герменевтики Гадамера. Различия между видами интерпретации, имплицитно тематизированными в работах Гадамера и Дэвидсона, и соответствующими методическими установками представляют собой отдельную тему.

любого текста, – принципа предвосхищения совершенства. Для обоснования выдвинутого тезиса этого будет достаточно, поскольку, как было показано выше, эпистемологический эгоцентризм имплицитно содержится в принципе доверия, а значит, и в любом эквивалентном принципе.

Рассмотрим определение принципа предвосхищения совершенства в «Истине и методе»: «Это, очевидным образом, тоже есть некая формальная предпосылка, направляющая всякое понимание. Она гласит, что понятным является лишь то, что действительно представляет собою совершенное единство смысла. Читая какой-либо текст, мы всегда принимаем эту предпосылку совершенства, и только если она не подтверждается, то есть если текст непонятен, — лишь тогда мы допускаем, что текст поврежден, и думаем о том, как его можно было бы исправить... Предвосхищение совершенства, направляющее всякое понимание, оказывается всякий раз содержательно определенным... Таким образом, предрассудок совершенства содержит в себе не только формальный момент, гласящий, что текст должен совершенным образом высказать свое мнение, но также и то, что сказанное текстом есть совершенная истина»¹ [7. С. 348–349].

Как видим, в этом определении предвосхищения совершенства как методологического принципа понимания Гадамер акцентирует те же два момента, которые определяют принцип доверия Дэвидсона: презумпцию *формальной когерентности* текста и *содержательной истинности* высказанного в нем мнения. Конечно, формальная когерентность может иметь различный характер: это может быть логическая непротиворечивость или методологическая фундированность научного текста, стилистическое единство произведения искусства, нормативная когерентность предписания и т.п. Но, поскольку в данной статье предметом рассмотрения является семантическая интерпретация, для нас существенны только логические и эпистемологические характеристики текста: логическая непротиворечивость и истинность по отношению к объективному миру. Таким образом, применительно к семантической интерпретации принцип доверия Дэвидсона и принцип предвосхищения совершенства оказываются *эквивалентными*. Соответственно, в обеих трактовках семантической интерпретации: 1) регулятивной идеей является интерпретация, представляющая интерпретируемый предмет (текст, речь) как совершенное выражение совершенной истины; 2) достижение этого идеала (или приближение к нему) обеспечивается уподоблением мнений говорящего/текста к мнениям интерпретатора². Соответственно, только невозможность достижения этого идеала оправдывает, согласно Гадамеру и Дэвидсону, приписывание говорящему ошибки или непоследовательности (или предположение о поврежденности текста и т.п.). В этом смысле собственные мнения (в терминологии Гадамера «предмнения», «предрассудки», *Vorbegriffe* и т.п.) являются носителем того «совершенства», которого мы ожидаем от текста

¹ Перевод скорректирован. Главное исправление касается термина «*Vorgriff der Vollkommenheit*»: по моему мнению, его следует переводить как «предвосхищение совершенства», тогда как в цитированном переводе (в большинстве контекстов) используется термин «предвосхищение завершенности».

² «Всякий разговор исходит из естественной предпосылки, что собеседники говорят на одном и том же языке» [7. С. 448].

(или интерпретируемого предмета вообще) на старте герменевтического процесса.

На первый взгляд, сказанному очевидным образом противоречит то обстоятельство, что для Гадамера сквозной темой является *несоизмеримость* языков и, соответственно, различия между «языковыми картинами мира» (системами мнений, воплощенных в том или ином языке). Действительно, во многих местах «Истины и метода» Гадамер подчеркивает неустранимость различий между картинами мира, «пропасть» между языками, «чуждость» текста интерпретатору и т.п. Вот характерный пассаж: «Переводчик часто мучительно осознает дистанцию, отделяющую его от оригинала. В самом его обращении с текстом есть что-то от усилий по достижению взаимопонимания в устной беседе. Однако это ситуация особенно трудного взаимопонимания, в которой дистанция между чужим и собственным мнением воспринимается в конечном счете как *неснимаемая*. И подобно тому как разговор, где тоже существуют такие неснимаемые различия, колеблясь между противоположными высказываниями, может в итоге прийти к компромиссу, так же и переводчик, взвешивая и выбирая, ищет наилучшее решение, которое во всех случаях может быть лишь *компромиссным*»¹ (курсив мой. – Е.В.) [7. С. 449–450]. Таким образом, хотя для обоих мыслителей перевод с одного языка на другой является универсальной моделью интерпретации, они трактуют его, как кажется, противоположным образом.

На мой взгляд, однако, эта кажущаяся противоположность обусловлена только различием тематических акцентов, которые делают Гадамер и Дэвидсон. Дело в том, что интерпретация, как ее трактуют оба мыслителя, *всегда начинается* с «эгоцентрической» попытки усмотреть в интерпретируемой речи (тексте и т.п.) выражение мнений, вполне совместимых с мнениями интерпретатора, – но *крайне редко заканчивается* ею: успех такого рода попытки – это редкое исключение. В большинстве случаев мы вынуждены либо констатировать «несовершенство» интерпретируемого предмета (ложность отдельных предложений/мнений, недостаток когерентности, непоследовательность словоупотребления, наличие оговорок или опечаток и т.п.), либо скорректировать некоторые из собственных мнений, задействованных при построении интерпретационной модели (в смысле пункта 1–4), либо оставить открытыми некоторые интерпретативные вопросы и т.п. Несколько огрубляя картину, можно сказать, что Дэвидсона интересовал преимущественно первый этап интерпретации, т.е. исходные установки интерпретатора, тогда как Гадамер исследовал преимущественно второй этап, т.е. механизмы трансформации мнений интерпретатора, инициированной неудачей попытки «эгоцентричного» прочтения текста.

¹ На мой взгляд, Гадамер склонен абсолютизировать феномен непереводаемости, трактуя ее как невозможность адекватной передачи некоторой мысли, выраженной в определенном языке, на другом языке [7. С. 447–451]. Однако непереводаемость в значительной мере обусловлена не различием между языками, а тем, что переводчик ограничен в выборе языковых средств для передачи смысла оригинала. Но эти ограничения могут быть компенсированы, например, в подстрочных примечаниях, что говорит о том, что непереводаемость текста сама по себе не означает невозпроизводимости его содержания на другом языке: то, что нельзя перевести, во многих случаях можно пересказать. (Это примечание относится только к когнитивному содержанию текстов; оно не относится к художественным произведениям, стилистическим особенностям научных текстов и т.п.).

Литература

1. *Davidson D. A Coherence Theory of Truth and Knowledge // Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. Philosophical Essays. Vol. 3. Oxford University Press, 2001. P. 137–153.*
2. *Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы // Истина и интерпретация. М.: Праксис, 2003. С. 258–277.*
3. *Davidson D. A Coherence Theory of Truth and Knowledge // Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. Philosophical Essays. Vol. 3. Oxford University Press, 2001. P. 137–153.*
4. *Rorty R. Pragmatism, Davidson and Truth // Rorty R. Objectivity, Realism, and Truth: Philosophical Papers. Cambridge, 1991. P. 126–150.*
5. *Davidson D. Afterthoughts // Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. Philosophical Essays. Vol. 3. Oxford University Press, 2001. P. 154–157.*
6. *Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode // Gadamer H.-G. Gesammelte Werke. Bd. 1. Tübingen, 1986.*
7. *Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988.*